

УДК 94(470.47).066: 94(470.47).07

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ КАЛМЫЦКОЙ СТЕПИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)

Авлиев В.Н., Горяев М.С.

ФГБОУ ВПО «Калмыцкий государственный университет», Элиста, Россия (358000, Элиста, ул. Пушкина, 11), e-mail: mergengoryaev@yandex.ru

В статье рассматривается эволюция хозяйственной деятельности калмыков во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Со второй половины XVII в. речь уже идет об окончательном сложении калмыцкой национальности и об образовании Калмыцкого ханства на территории Российского государства. На территории Российского государства оторванные от привычного образа жизни калмыки интегрируются в состав Российской империи, меняя свой быт, традиционные виды хозяйствования. Это было связано с упразднением калмыцкой государственности, промышленным переворотом в начале XIX в. в России, переселением русского и украинского крестьянства, сокращением пастбищных территорий.

Ключевые слова: переселение, повседневная жизнь, торговля, отходничество, рыболовство, крестьяне, Калмыцкая степь, Российское государство, империя.

THE ECONOMIC ACTIVITY OF THE POPULATION KALMYK STEPPES (SECOND HALF OF XVIII – THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURIES)

Avliev V.N., Goryaev M.S.

FGBOU VPO «Kalmyk state University», Elista, Russia (358000, Elista, Pushkin street, 11), e-mail: mergengoryaev@yandex.ru

The article discusses the structural evolution of the daily life of the Kalmyks in the last third of the XVIII–XIX centuries, whose moving to a new place from the steppes of Mongolia was the last Great roaming from place to place in the beginning of the XVII century. From the second half of the XVII century it can speak about the addition of the Kalmyk nationality and formation of the Kalmyk khanate on the territory of the Russian state. Separated from their habitual lifestyle, kindred nations, Kalmyks are gradually integrated into the Russian Empire, changing their way of daily life, family life and traditional methods of management. Last but not least this was connected with the abolition of the Kalmyk state, the industrial revolution, the resettlement Russian and Ukrainian peasantry, the reduction of pasturable territories.

Keywords: the Migration, the daily life, the trade, a seasonal work, the fish breeding, peasants, Kalmyk steppe, the Russian state, the Empire.

Скотоводство для кочевников всегда составляло основу их экономики, базис хозяйственного уклада жизни. Главный продукт обмена для них – живой скот, предметы сбыта – кожа и овчина. Калмыцкая степь представляла для кочевого скотоводства удобные пространства с обильными пастбищами и водопоями. Многочисленные устья рек и главной из них Волги, займища, мочаги предоставляли необходимые в условиях кочевого скотоводства зимовья. Сравнительно мягкий климат давал возможность содержать скот почти круглый год на подножном корме. Вместе с тем качественного улучшения и количественного увеличения калмыцкого стада не происходило. Дело было не в отсутствии опыта или желании номадов, а в элементарном отсутствии благоустроенных помещений для зимовки скота и не повсеместная заготовка кормов. Часты были засухи и многочисленные болезни скота, уменьшение количества и качества травяного покрова, сужение пастбищных территорий в результате крестьянской колонизации.

В калмыцком кочевом хозяйстве присутствовали те же самые породы, присущиеномадам Великой степи. На берегах Волги потомки ойратов разводили тот же скот, что и их предки тысячи лет назад – лошадей, крупный рогатый скот, верблюдов, овец. В области коневодства в улусах преобладала калмыцкая порода лошадей, весьма неприхотливая в уходе и не требовавшая обильных кормов [1].

Крупный рогатый скот также отличался выносливостью, неприхотливостью к кормам, способностью к длительным переходам. Мясо калмыцкой породы весьма ценилось на рынках Поволжья, Северного Кавказа, центральной России, Санкт-Петербурга, Москвы.

Однако наиболее развитым видом кочевого хозяйствования у калмыков было овцеводство. В основном разводилась овца грубошерстной породы. Тонкорунных овец разводили только хошоутовские нойоны Тюмени [9].

Неотъемлемой частью калмыцких кочевий были верблюды. Двугорбые калмыцкие бактрианы, рослые и выносливые, играли заметную роль в жизни кочевника, обеспечивая его и способом передвижения, и необходимыми продуктами. Но для верблюдов климатические условия Поволжья оказались не слишком благоприятными – они больше других животных подвергались различным болезням.

В связи с ухудшением качества пастбищных угодий произошло количественное увеличение такого неприхотливого животного, как коза, а вот свиноводство в улусах не привилось.

Касаемо видового состава калмыцкого стада и динамики его количественных и видовых соотношений, нужно отметить весьма важные изменения. Начиная с последней трети XVIII века, наблюдается резкое уменьшение поголовья верблюдов и лошадей. Объяснений этому несколько. Во-первых, в связи с откочевкой в 1771 году значительной части калмыцкого народа, наместника ханства, главы калмыцкой ламаистской церкви, большей части аристократии произошло снижение значения конных войск калмыков – их уже нельзя было массово использовать на фронтах против внешних врагов и в борьбе с другими кочевниками. Во-вторых, Калмыцкая степь, которая когда-то являлась форпостом Российского государства на юго-востоке, со временем в связи с территориальным расширением империи превращается во внутреннюю область страны. В-третьих, в связи с упразднением государственности калмыков, большим подчинением Калмыцкой степи общероссийскому законодательству, расширением власти русских чиновников в калмыцких улусах увеличились и натуральные повинности. В частности, одной из основных повинностей калмыков было предоставление «подвод», т.е. вьючного скота для чиновников, выезжавших в калмыцкие улусы. Ложилась данная повинность на тех, кто имел нужные виды скота, т.е. лошадей и верблюдов, а так как улусная администрация, часто требуя

подводы, не возвращала их хозяевам или возвращала далеко не в товарном виде, то калмыки и стремились избавиться от этих видов скота в своих стадах и, соответственно, от повинности.

На количественном отношении сказались, очевидно, и многочисленные поставки лошадей и верблюдов в действующую армию. Сокращали эти виды скота и частые отгоны, баранта (угоны), поскольку лошади и верблюды наиболее удобные для этих целей животные. В то же время в составе калмыцкого стада увеличился удельный вес поголовья крупного рогатого скота и овец, что связано, наоборот, с резким увеличением спроса на говядину и баранину.

Помимо животноводства в калмыцких улусах наблюдается хоть и малая, но тенденция к увеличению числа кочевников, занимающихся земледелием. Проживая рядом с оседлым населением, калмыки постепенно перенимают у крестьян и казаков различные виды сельскохозяйственной деятельности. Вообще-то, калмыки не впервые начинали заниматься сельским хозяйством – спорадические зачатки земледелия у них имелись еще до ухода большей их части в Джунгарию. Источники отмечают в первой четверти XIX века развитие хлебопашества в Хошоутовском улусе, в основном у его владельца Тюменя, в Багацохуровском улусе у зайсанга Тукчи-гецуля. Развивалось земледелие и в Малодербетовском улусе. Почти в каждом улусе сеяли бахчевые культуры, овощи, горчицу. Развивалось у калмыков и садоводство – известностью пользовались сады нойонов Тюменей, Тундутовых, зайсанга Наинтаева [3]. Это объяснялось, в первую очередь, наличием воды и почвы, способствовавших росту и развитию этих культур.

Несмотря на это, все же земледелие находилось в зачаточном положении, да и собственных земледельческих орудий у калмыков не было. Земледелие вообще являлось дорогостоящим промыслом, а наличие более выгодных сфер приложения труда (рыболовство и скотоводство) сдерживало развитие хлебопашества в Калмыцкой степи.

Немаловажной деталью следует считать и сравнительно оптимальное обеспечение кормами скота. Основная отрасль кочевого скотоводства будет успешно развиваться до тех пор, пока скот получает достаточное количество кормов. Уменьшение кормовой базы вынуждает кочевников менять свое местоположение. Когда же возможности расширения ареала кочевания сужены, скотоводческое хозяйство способно существовать только в интенсивных формах. Исходя из этого, констатируем, что характер производственной деятельности кочевников определяется, прежде всего, потребностями их скотоводческого хозяйства. Необходимость прокормить скот заставляла кочевника вплотную подойти к хлебопашеству [4].

Слабое развитие земледелия в свою очередь осложнило переход калмыцкого народа к оседлости. Попытки правительства в этом направлении заметны еще в XVIII веке, но только в первой четверти XIX века они дали некоторые результаты [5]. Переход калмыков к оседлости – важный социально-экономический процесс. В его истории – и правительственные попытки, безуспешность которых была очевидна, и переход на оседлость вследствие кризисного состояния кочевого скотоводческого хозяйства, связанного не только с развитием калмыцкого общества, но и со значительным воздействием экономических процессов, происходивших как в целом по стране, так и в Калмыцкой степи.

Помимо вышеназванного наибольшее значение в хозяйственной деятельности калмыцкого кочевого населения Калмыцкой степи имели отрасли, основанные на переработке продуктов скотоводства – шерсти, кожи. Таким производством являлось весьма развитое домашнее ремесло. Из шерсти изготовляли войлок, попоны, чулки, нитки, веревки. В свою очередь из войлока делали потники под седла, хомуты. Из обработанной кожи и шкур производили сосуды большей емкости (архад), в которых проходил процесс брожения кумыса из кобыльего молока, перевозили пресную воду. Мастера изготовляли фляги (бортхо), ведра, охотничьи сумки, ремни. Ремни шли на изготовление уздечек, повода, чембура, подпруг, стремян, шлей, вожжей, хомутов, ими скрепляли также кибиточные решетки (терме). Для личного пользования изготовлялись нагайки и кнуты, тулупы, шубы, штаны, шапки, рукавицы, одеяла.

В силу климатических и географических особенностей Калмыцкая степь относится к безлесной местности и соответственно дерево являлось ценным продуктом. Оно приобреталось на ярмарках в близлежащих селениях и здесь была своя специфика: для приволжских, приморских и центральных улусов дерево везли из Астрахани, для Малодербетовского улуса из Царицына и Котельникова, для Большедербетовского – из Сальска и Ростова, с Кавказа. Дерево было необходимо, прежде всего, для деревянного остова кибиток. Кроме того, специалисты изготовляли из него седла, деревянные сундуки, ящики для хранения продуктов, сосуды для воды и кумыса, домбо – для чая, ведра, корыта, чашки, половники. В буддистских центрах занимались и резьбой по дереву, в большинстве на религиозную тему.

Было развито кузнечество, по большей степени удовлетворявшее потребности кочевого скотоводства, земледелия и рыболовства, а также домашнего быта. В бытность Калмыцкого ханства кузнецы покрывали потребность войска в оружии – они изготовляли металлические принадлежности к конской сбруе, сайдаки, ружья, наконечники стрел, копий, дротиков. Для хозяйственных нужд делали ножи различных размеров и назначений, щипцы

для очага, пряжки к поясам и ремням, крючки. Кроме того, пришедшие в негодность вещи подвергались ремонту – сельскохозяйственные орудия, ведра, ножи, котелки и т.д.

На очень высоком уровне находилось ювелирное дело. Например, калмыцкие мастера издавна могли чернить поверхность изделий, покрывая их смесью олова, серебра, меди, буры и серы, позолачивать. Для местного населения ювелиры (урчуд) делали серебряные пояса, кольца, сережки, пуговицы, окантовывали курительные трубки, охотничьи оружия, уздечки. Домашние промыслы, существовавшие в рамках хозяйства кочевников как его составная часть, удовлетворяли только внутренние потребности хозяйства степных скотоводов. Изделия местных специалистов не шли на рынок, что объясняет то, что большинство домашних промыслов не развилось до уровня ремесла.

Во второй половине XVIII – первой половине XIX века в хозяйственной деятельности кочевников Калмыцкой степи наметились кардинальные изменения. Откочевка части населения в пределы Китайской империи, превращение Калмыцкой степи во внутренний регион Российской империи, сокращение самой территории Калмыкии вследствие непрекращающейся крестьянской колонизации, несправедливое распределение пастбищных угодий между семейными группами кочевников, усилившиеся поборы как со стороны российских властей, так и со стороны местной аристократии, привели к появлению в калмыцком обществе бесхозяйственных ячеек. Дабы прокормить себя эти семьи откочевывали в мочаги (прикаспийские или приволжские земли), где занимались рыболовством или же уходили на заработки – так называемое отходничество (форма социального процесса, вызванная различными причинами, как то рост промышленности и транспорта в стране, предъявлявшим спрос на рабочие руки, лишение крестьянских масс средств производства). Являясь основным источником существования обнищавших калмыков-кочевников, отходничество было развито очень сильно [6, 2]. Находясь под двойным контролем – собственных нойонов и зайсангов, с одной стороны, и русского правительства, с другой, оно обеспечивало рабочей силой рыбные промыслы Волги, ее устьев, Каспийского моря, а также Эмбенские, Тарковские, Чеченские, Сальянские промыслы. В начале XIX века на рыбные промыслы нанималось до трех тысяч калмыков-рабочих. Часть отходников-рыболовов нанималась со своими орудиями труда – лодками, снастями, неводами и т.д. По большому счету, основная же масса рыболовов-калмыков приобретала необходимый инвентарь в счет будущего улова [7]. Были и такие артели, которые приобретали орудия труда в коллективную собственность. Артель состояла из равноправных членов, число которых могло достигать до двадцати и более и получавших одинаковую заработную плату за труд.

Были среди калмыков-рыболовов и те, для кого рыболовство выступало как самостоятельная отрасль хозяйства – им в основе своей занимались калмыки, оставшиеся без скота. Местом их проживания были берега рек Волга, Кума и Мочаги. Они же и сбывали свою продукцию в Астрахань и приезжим скупщикам [8].

Наряду с рыбной промышленностью выступала солелобочка, причем массовая. Основными рабочими-солелобочниками опять-таки были калмыки-отходники, начало найма которых на соляные промыслы относится к концу XVIII в. Точных сведений о количестве калмыков-солелобочников в период первой половины XIX в. нет, но можно предположить, что ежегодно нанималось от 300 до 900 человек [1].

Таким образом, отходничество свидетельствовало об изменении основ традиционной для кочевника-скотовода формы производственной деятельности. Скотоводство для многих потеряло уже даже роль подсобного промысла. Калмыцкая степь как один из отсталых регионов обширной Российской империи благодаря системе отходничества все сильнее и сильнее втягивалась в систему общероссийского рынка. Все это способствовало росту производительных сил в Калмыкии, а, следовательно, и деформации социальных отношений в улусах, изменению социальной структуры калмыцкого общества.

Подводя итог, можно констатировать, что хозяйственная деятельность населения Калмыцкой степи после упразднения калмыцкой государственности, путем втягивания в общеимперскую хозяйственную и торговую систему претерпевает в заявленный период серьезные изменения.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 14-11-08001 «Повседневная жизнь кочевников-калмыков: от номадизма к оседлости».

Список литературы

1. Карагодин А.И. Хозяйство и общественно-политический строй приволжских калмыков в последней трети XVIII – первой половине XIX в. – Запорожье, 1988. – С. 124, 152.
2. Леонтович Ф.И. К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий и ойратский устав взысканий (Цааджинь-Бичик). – Одесса, 1879. – С. 32.
3. Национальный архив Республики Калмыкия (далее – НАРК). – Ф. 15. – Оп. 2. – Д. 172. – Л. 22 об.
4. НАРК. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 180. – Л. 227-230.
5. НАРК. – Ф. 7. – Оп. 4. – Д. 9. – Л. 1001 и об.
6. НАРК. – Ф. 33. – Оп. 1 – Д. 185. – Лл. 1-3.
7. НАРК. – Ф. 35. – Оп. 1. – Д. 65. – Л. 38 и об.

8. НАРК. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 268. – Лл. 552-553.

9. Небольсин П.И. Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. – СПб., 1852. – С. 76.

Рецензенты:

Команджаев А.Н., д.и.н., профессор, заведующий кафедрой истории России ФГБОУ ВПО «Калмыцкий государственный университет», г. Элиста;

Батмаев М.М., д.и.н., профессор, ФГБОУ ВПО «Калмыцкий государственный университет», г. Элиста.